

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 84 (3268)

Четверг, 15 июля 1954 г.

Цена 40 коп.

Ч Е Х О В

Веселые, злые, насмешливые рассказы о людях, гонимых за чинами и орденами, за наследством и приданым, судорожно карабкающихся вверх по огромной многоступенчатой бюрократической лестнице...

Поэма в прозе о неоглядно широкой русской степи, о ее просторе, о красоте...

Повесть о мрачной больнице-тюрьме «Палате № 6», об одиноких протестантах, пытающихся вырваться за железные решетки...

Грустные истории о людях, протравленных жизнью...

Суровая сатира, развенчивающая мертвенный, футлярный мир. Тревожный, как голос совести, призыв: «Не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя!»

Произведения о мужиках, задавленных нищетой, забытых, разоренных, но все же не утративших веру в то, что правда на земле есть и будет...

Рассказ о честных тружениках-интеллигентах, людях суровой жизни, самоотверженных, описанных с большой любовью...

Судьба девушки, которая решила, что главное — перевернуть жизнь, порвала с прошлым и пошла навстречу будущему.

И все это — Чехов, великий писатель, чье творчество отразило целую эпоху в жизни нашей Родины.

Жизнь всей страны — и Москвы, и Петербурга, и глухих провинциальных городишек, и далекого острова Сахалина — все нашло отражение в творчестве Чехова.

Широко отразив жизнь самых различных слоев русского общества, Чехов чутко улавливал ход времени. Писателя не обманула кажущаяся неподвижность собственнического уклада, внешняя неколебимость общественного строя. Он зло смеялся над тупыми, ограниченными людьми, уповающими на незыблемость неправого общественного порядка. Невежда и мракобес, «печенег» Жмухин самодовольно изрекает: «Теперь, конечно, уж не та категория людей, и не секут, и живут чище, и наук стало больше, но, знаете ли, душа все та же, никакой перемены». Всем своим творчеством Чехов опровергал этот узкий, купный взгляд, показывая непрочность общественного уклада. Блестящий унтер Пришибеев — фигура не только страшная, но и смешная в своем стремлении «заморозить» жизнь, ввести ее в русло приказов и циркуляров. Жизнь оказывается сильнее «человека в футляре» Беликова, который вызывает у окружающих не только страх, но и смех.

Это обостренное восприятие жизни, эпохи, времени в их неодолимом движении проявилось уже в творчестве Чехова 80-х годов, тяжелой поры, когда в стране восторжествовала самая зверская реакция. А когда в 90-е годы начался общественный подъем, Чехов с еще большей силой и уверенностью говорит в своих произведениях о непрочности того строя, который охраняли «печенег», пришибеевы, «человеки в футляре».

Творчество Чехова, особенно последних лет, конца 90-х — начала 900-х годов, пронизано взволнованным предчувствием решительных социальных перемен. Чуждый пессимизму и отчаянию, писатель решительно отвергал утопии народников, громкие фразы либералов и всякие иные проявления охранительного благополучия, замалывавшего реальные противоречия. Легенда о Чехове, «певце тоски», «певце безвременья», родилась именно среди народных утешителей, которые боялись трезво взглянуть в лицо жизни и обвиняли в пессимизме тех, кто предпочитал суровую правду самообману.

«Теперь, когда порядочный рабочий человек относится критически к себе и своему делу, то ему говорят: нытик, бездельник, скужающий», — писал Чехов; — когда же праздный пройдоха кричит, что надо дело делать, то ему аплодируют».

Всю свою жизнь он искал действительно, а не словесного, не обманчивого пути к новой жизни. Он не увидел в рабочем классе той исторической силы, которая должна была возглавить общественный натиск на самодержавие и буржуазию. Но великая заслуга Чехова в том, что он развенчал буржуазно-либеральных «деятелей», претендовавших на роль опекунов и «друзей» народа.

В творчестве Чехова неразрывно слилась умная, злая сатира с нежной, прозрачной лирикой. Чехов-сатирик и Чехов-лирик, в сущности, говорили об одном — современная писателю жизнь, где счастье меньшинства построено на страданиях большинства, не имеет права на существование, противоречит правде, красоте, губит человека; больше так жить невозможно.

Добролюбов писал: «...Надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху, — до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи, чтобы он, задетый, наконец, за живое, вскочил с азартом и вымолвил: «да что же, дескать,

борьба за свободу человеческой личности. В его произведениях, отразивших предреволюционную эпоху, сильнее и явственней, нежели это было в творчестве многих его предшественников, возникает образ прекрасного близкого будущего, жизни, какой она должна быть».

Творчество Чехова глубоко индивидуально и самобытно; оно является ярким выражением богатства и многообразия русской литературы, в которой великие идеи свободობы, гуманизма, народности получали творчески разностороннее воплощение.

В нашем сознании Чехов остался как писатель, для которого литературный труд — кровное и важное дело, как человек долга и правды, знающий силу художественного слова и чувствующий высокую ответственность перед читателем.

Утверждая любовь к народу, к простым, скромным, незаметным людям, к красоте русской земли, Чехов нигде не впадает в риторику. Великий патриот, он любил родину суровой, сдержанной любовью, которая боится громких фраз, сентиментальных излияний. В своих произведениях художник последовательно отказывается от многословия, от развернутых описаний, авторских характеристик. Некоторые критики усмотрели в этом писательскую незаинтересованность, равнодушие. Их обманула кажущаяся сдержанность чеховского повествования, за которой скрываются его глубокая человечность и неравнодушие. Горький в рецензии на повесть «В овраге» первый выступил против фальшивых обвинений Чехова в «объективизме». Он показал, что верность правде Чехова, который «никогда ничего не выдумывает от себя», сочетается с ясным писательским представлением о жизни, с отчетливо ощущаемыми симпатиями и антипатиями автора.

Глубоко ошибаются те писатели, которые думают, что они продолжают чеховские традиции, создавая бесстрастные, безоценочные произведения, фотографически регистрирующие «поток жизни». В действительности же такое регистраторство ничего общего не имеет с традицией Чехова, который не просто воспроизводил жизнь, но рождает у читателей ясную оценку, приговор, эмоциональную реакцию.

Сила чеховского мастерства в глубинном отражении действительности — и ее внешних примет и внутренних процессов. Писатель воссоздает всю характерность жизни, быта, атмосферу своего времени. Он создал рассказы и повести, не уступающие по заключенному в них содержанию большим романам. Об этом особенно уместно вспомнить сегодня, когда нам еще приходится встречаться с пухлыми, непомерно разросшимися произведениями. Чехов довел до совершенства художественную отделку каждой детали. Казалось бы, случайный штрих в описании героя, его одежда, походка, привычки, его характерные выражения — из всего этого закономерно складывается целостный образ.

Прекрасен язык Чехова — предельно простой, по-пушкински ясный и точный, лишенный каких бы то ни было излишеств и украшений.

В памяти нашего народа всегда будет жить Чехов — «один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий ее, сострадающий ей во всем», как сказал о нем Горький; всегда будет жить веселый и смелый обличитель казенной тупости, пришибеевщины; нежный лирик, влюбленный в простых, честных, верных людей; мастер, придавший чудесную силу воздействия своим творениям.

Сам Чехов, с характерной для него скромностью, не думал о большой славе. Но сегодня, спустя полвека после его кончины, слава его вышла далеко за пределы Родины, обогнала самые дальние страны и материки. Чехов сегодня — всемирно признанный писатель. Его пьесы, повести и рассказы завоевали признание простых людей всего земного шара. Вот почему такой громадный отклик, повсеместное одобрение вызвало решение Всемирного Совета Мира о том, чтобы придать чествованию памяти великого русского писателя международный масштаб.

Глубоко поучительна судьба Чехова! Сын своего времени, он завоевал бессмертие. Сын своего народа, он стал любимым писателем человечества.

Народ не забывает имена тех, кто отдает ему все свои силы и талант. С радостью и гордостью произносят сегодня честные люди всего мира простое и великое имя — Чехов.

Рис. художника А. Ламма

это наконец, за каторга! Лучше уж пропадай моя душонка, а жить в этом омуте не хочу больше».

Конечно, Чехов не осознавал так ясно и глубоко задач своей сатиры, но объективно он вызывал у читателей именно такую реакцию, пробуждал отвращение к жизни-каторге, порыв к новому, свободному миру.

Лирика Чехова, лишенная ложной чувственности, сентиментальности, не размагничивала читателя, но рождала в его душе устремление к иной жизни. Горький недаром называл произведения Чехова «беспокойными книгами».

Коренные вопросы времени решались Чеховым на материале, казалось бы, далеком от политики. Он описывал повседневную личную, семейную жизнь, быт людей различных сословий. Однако все это объективно оказывалось очень близким к политике. Чехов как бы говорил своими произведениями: к какому уголку жизни ни обратиться, всюду чувствуется губительность собственнического уклада, рабского существования под надзором пришибеевых.

Творчество Чехова глубоко демократично. Всю свою жизнь он презирал праздность, паразитизм, желание «казаться», а не «быть».

Вот одна из характерных черновых записей: «Барышня, кокетничая, болтает: «Меня все боится... и мужчины, и ветер... Ах, оставьте! Я никогда не выйду замуж!» А дома бедность, отец пьет запоем. И если бы увидели, как она работает с матерью, как причет отца, то прониклись бы к ней глубоким уважением и удивились бы, почему она так стыдится бедности, труда и не стыдится этой болтовни».

Осуждая тех, кто стыдится труда, «простого» происхождения, Чехов рисует обаятельные образы тружеников — таких, как врач Кирилов, ученый Дымов, поденница Липа.

«Вся Россия наш сад», — восклицает герой последней чеховской пьесы Петья Трофимов. И подлинным хозяевам этого сада — не Лопухины, но люди, для которых жить — значит трудиться. Назовчик Иона («Тоска»), скромная сельская учительница («На подводе»), старик-сотский («По делам службы»), поденница Липа, плотник Костыль («В овраге»), самоотверженный ученый Дымов («Попрыгунья»), бесстрашный путешественник Пржевальский, — какое великое множество разных человеческих характеров, сложившихся в труде, кровно связанных с народом! А за ними встает со страниц чеховских произведений образ самого народа, еще приравленного пришибеевским строем, но уже пробуждающегося к активной деятельности.

В творчестве Чехова получили развитие лучшие традиции отечественной литературы — народность, верность правде жизни,